

pocket**book**

rocket**book**

Рэй БРЭДБЕРИ

Темный карнавал

Москва
2022

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
DARK CARNIVAL

Перевод с английского *Марины Воронежской*

Copyright (c) 1947, 2001 by Ray Bradbury
Ray Bradbury trademark used with the permission
of Ray Bradbury Literary Works LLC

В оформлении обложки использована картина художника
Гранта Вуда (1891–1942)

Брэдбери, Рэй.

Б89 Темный карнавал / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского языка М. Воронежской]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-154171-2

Настоящая книга поистине уникальна — это самый первый сборник Брэдбери, с тех пор фактически не переиздававшийся, не доступный больше нигде в мире и ни на каком языке вот уже 60 лет! Отдельные рассказы из «Темного карнавала» (в том числе такие классические, как «Странница» и «Крошка-убийца», «Коса» и «Дядюшка Эйнар») перерабатывались и включались в более поздние сборники, однако переиздавать свой дебют в исходном виде Брэдбери категорически отказывался.

Новый перевод Марины Воронежской оригинального сборника Рэя Брэдбери 1947 года.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М. Воронежская, 2022
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154171-2

The Homecoming Праздник Возвращения

— Вон они, — сказала лежащая на кровати Сеси.

— Где они? — выкрикнул Тимоти, еще стоя в дверях.

— Кто-то над Европой, кто-то над Азией, кто-то над островами, кто-то над Южной Америкой! — торопливо, одними губами прошептала Сеси.

Она лежала на спине — лицо ее было неподвижно, глаза закрыты, длинные темные ресницы слегка подрагивали.

Тимоти шагнул на грубый дощатый пол ее комнаты.

— И кто там?

— Дядя Эйнар и Дядя Фрай, еще Кузен Уильям, еще вижу Фрульду, Хельгара и Тетю Моргианну, Кузину Вивиан и... Дядю Иоганна! Они приближаются, и довольно быстро.

— Они летят по воздуху? По небу? — громко восклицал Тимоти, хотя уже стоял рядом с кроватью.

Его серые глаза блестели, и выглядел он ровно на свои четырнадцать. На улице дул ветер, уже стемнело, и дом освещали только звезды.

— По воздуху, по земле — по-всякому, — сквозь сон проговорила Сеси, которая лежала неподвижно и пересказывала все, что ей виделось в мыслях, — Сейчас вижу, как какое-то существо, похожее на волка, переходит по мелководью темную реку, над самым водопадом, шкура у него блестит под звездами. Теперь вижу бурый дубовый лист, как его ветром уносит в небо. А вон летит маленькая летучая мышь. А там... еще какие-то существа, в лесу, их много, они бегут под деревьями, и внутри деревьев, в самом верху, продираются между веток... Все спешат сюда!

— А они точно доберутся до нас завтра к вечеру? — Тимоти вцепился рукой в простыню. — Они точно успеют к Празднику Возвращения? — Когда он наклонился к сестре, с его лацкана свесился паук, который начал раскачиваться туда-сюда, как будто исполнял какой-то танец.

— Да, Тимоти, да. — Сеси нетерпеливо вздохнула и замерла. — Не расспрашивай меня больше. И давай уже, иди. Я хочу немного пройтись по любимым местам.

— Спасибо, Сеси. — Тимоти вышел в холл и побежал к себе.

Надо было срочно застелить постель. Он проснулся совсем недавно, с заходом солнца. И, как только взойшли первые звезды, сразу побежал к Сеси, чтобы она помогла ему справиться с наплывом чувств по поводу предстоящего праздника. Теперь-то она уже совсем крепко спит, от нее не слышно ни звука.

Пока Тимоти умывался, паук набросил на его тонкую шею серебристое лассо.

— Ты только подумай, Спид, уже завтра вечером — канун Всех Святых!

Тимоти выпрямился и посмотрел в зеркало. Зеркало в его комнате было единственным официально разрешенным зеркалом во всем доме. Право на него Мама уступила ему исключительно «по болезни». А что в итоге? Одно сплошное расстройство! Тимоти открыл рот и в очередной раз увидел там мелкие, убогонькие зубки, которыми наградила его природа. Какие-то бобовые зернышки, а не зубы, — круглые, тусклые, худосочные. Клыки вообще никуда не годятся! Настроение у него разом упало.

На улице было уже совсем темно, и Тимоти зажег свечу. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Всю прошлую неделю семья жила по старинке: днем — сон, а на закате — будь добр вставай и делай дела. Вон даже синяки появились под глазами.

— Я дефективный, Спид, — прошептал он маленькому существу, — даже просто привыкнуть спать днем, как все, и то не могу...

Он поднял свечу повыше. Эх. Вот если бы у него были мощные зубы с резцами, острыми, как шипы. Или мощные руки. Или мощный ум. А еще лучше, если бы он мог высылать свой разум куда угодно, как Сеси, — лежа в мягкой постели и даже не просыпаясь... Но нет, он дефективный. У него болезнь. Он даже темноты боится, свечку из рук не выпускает. Братья смеются над ним. И Бион, и Леонард, и Сэм. Им смешно,

что он спит в кровати. Как Сеси. Но с ней-то все понятно — ей кровать нужна, чтобы отправлять разум из тела на охоту, для этого требуется ком-форт. Но Тимоти — он-то почему не спит в красивом полированном гробу, как все нормальные люди? И с какой это стати Мать разрешает ему иметь собственную кровать, собственную комнату, собственное зеркало! Неудивительно, что вся семья шарахается от него, как от распятия Христова. Эх. Вот если бы у него из лопаток выросли крылья... Тимоти обнажил спину, вгляделся в нее и с горечью вздохнул. Нет. Этого не будет. Никогда.

Снизу доносились всякие волнующие и таинственные звуки. На стенах, на потолке, на дверях шуршали черные гирлянды. Вдоль перил лестницы поднимался запах горящих черных свечей.

Послышался Мамин голос — высокий и решительный. И голос Папы — эхом из сырого подвала. А это Блон прошел где-то под окнами их старого загородного дома, он тащит огромные двухгаллонные¹ бидоны, и они булькают при каждом шаге.

— Надо идти на праздник, Спид, — сказал Тимоти.

В ответ паук закружился на конце свой шелковой нити, и Тимоти вдруг остро осознал свое одиночество. Потому что... делаешь все, делаешь — полируешь гробы, приносишь поган-

¹ 2 американских галлона = примерно 8 литров. — *Прим. пер.*

ки и пауков, вешаешь гирлянды... А как сам праздник начинается — так ты уже никому не нужен. Чем меньше народу увидит дефективного сыночка — тем лучше. Меньше будет разговоров.

Внизу Лора с радостными криками носилась по всему дому: «Праздник Возвращения! Праздник Возвращения!» Казалось, ее шаги звучали везде сразу.

Тимоти еще раз прошел мимо комнаты Сеси — она все так же спала. Она всегда спит. Спускается вниз раз в столетие. Сеси, Сеси... Вот бы спросить ее: «Где ты сейчас, Сеси? В ком? Что у тебя происходит? Ты за холмами? Как там все вообще?» Но вместо этого Тимоти заглянул в комнату к Эллен.

Эллен сидела за столом и сортировала богатства, собранные во время работы мастером по маникюру: волосы всех цветов (светлые, рыжие, темные) и обрезки ногтей. Она работала в салоне красоты в Меллин-Тауне, примерно в пяти милях¹ от дома. В углу комнаты стоял добротный гроб из красного дерева с ее именем.

— Иди отсюда, — сказала Эллен, даже не взглянув на него, — невозможно работать, когда ты стоишь над душой.

— Ну, канун же Всех Святых, Эллен! — сказал Тимоти, пытаясь быть дружелюбным, — ты только подумай!

— И что? — Она складывала обрезки ногтей в маленькие белые мешочки и подписывала

¹ 5 миль = около 8,5 км. — *Прим. пер.*

их. — Тебе-то что с этого? Только перепугаешься до смерти. Иди лучше спать.

Его щеки вспыхнули от возмущения.

— А кто будет полировать гробы, работать и помогать?

— Так. Если ты сейчас же не уйдешь, то завтра обнаружишь в своей постели дюжину сырых устриц, — голосом, не терпящим возражений, сказала Эллен. — До свидания, Тимоти.

В гневе он бросился вниз по лестнице и врезался в Лору.

— Смотри, куда идешь! — провизжала она сквозь сжатые зубы, из которых торчали гвозди с плоскими головками.

Она забивала их в двери и развешивала на них... акониты¹ (уф, искусственные, ну и шуточки у нее)!

— Что, напугаем Дядю Эйнара? — крикнула она громко, чтобы все услышали.

И унеслась прочь. Тимоти побежал к распахнутой двери лестницы, ведущей в подвал, из которого поднимался густой дух сырой земли.

— Папа?

¹ Аконит — ядовитое растение (вид рода *Aconitum*, сем. Лютиковых — *Ranunculaceae*), имеющее древнюю историю и множество названий — борец, волчий корень, волкобой, царь-трава, черное зелье, козья смерть, шлемник, туфелька, синеглазка, прострел-трава, королева ядов и др. В мифах является неизменным атрибутом богини Гекаты — повелительницы привидений и чудовищ, которая посылает людям ужасы и кошмарные сны, помогает в колдовстве и убийстве с помощью отравления. — *Прим. пер.*

— Ты очень вовремя! — крикнул ему снизу Отец. — Давай быстрее сюда, не то все придут, а у нас ничего не готово!

Тимоти замешкался всего на несколько секунд — и услышал целый миллион звуков. Братья разговаривали, спорили, приходили, уходили — прямо как поезда на вокзале. Достаточно было просто постоять на одном месте, чтобы мимо тебя пробежал весь дом. И каждый что-нибудь тащил в бледных руках. Леонард — черный медицинский саквояж. Сэмюэль — пыльную книгу в черном переплете (такую огромную, что она едва помещалась у него под мышкой), плюс еще черную гирлянду. Бион (который сделал очередную ходку к фургону) втаскивал в дом все новые галлоны жидкости.

Отец отвлекся от полировки, и Тимоти получил от него тряпку, а заодно и неодобрительный взгляд.

— Вот этот натираем до блеска, — сказал он, хлопнув по огромному гробу из красного дерева, — а уж тогда переходим к следующему. Давай шевелись, не то так всю жизнь проспишь.

Натирая поверхность гроба воском, Тимоти заглянул внутрь.

— Дядя Эйнар крупный мужчина, да, пап? — спросил он.

— Угу.

— А сколько в нем?

— Смотри по размеру ящика.

— Метра два? Больше?

— Много болтаешь.

Тимоти натер поверхность до блеска.

— А весит, наверное, все двести пять, — сказал он.

— Да хоть двести пятнадцать! — взорвался Отец.

— Не, двести пятнадцать — это с крыльями! Отец пихнул его локтем.

— Смотри лучше, что делаешь! Не так надо, а вот так. Смотри!

Около девяти часов Тимоти вышел на октябрьский холодок (с его то теплым, то промозглым ветром) и два часа бродил по лугам, собирая пауков и поганки.

Проходя мимо фермерского дома, он сказал светящимся окнам: эх, знали бы вы, что творится сейчас у нас! Затем поднялся на холм и посмотрел на город, который засыпал за много миль отсюда, вместе с круглыми часами на церкви, что были видны даже издалека. Город тоже не знал!

Тимоти принес много банок с поганками и пауками. И в подвале (в часовне) была проведена короткая церемония: Отец возносил молитвы Темному, а красивые, цвета слоновой кости руки Матери двигались ему в ответ. Все дети были в сборе, за исключением Сеси, которая лежала в постели у себя наверху. Впрочем, Сеси не собиралась мириться с таким положением дел. Было видно, как она выглядывает то из глаз Биона, то из глаз Сэмуэля, то из глаз Матери, то из... не успеешь оглянуться — а она уже в тебе. А теперь уже нет.

Изо всех сил втянув живот, Тимоти молился Темному: «Пожалуйста, ну пожалуйста, по-

моги мне вырасти, помоги мне стать похожим на моих братьев и сестер. Можно я просто буду таким же, как они? Если бы только я все это умел... Делать скульптуры из волос, как Эллен. Или всех в себя влюблять, как Лора. Или читать странные старые книги, как Сэм. Или работать на хорошей работе, как Леонард и Бион. Или (не сейчас, конечно) завести семью, как Мать и Отец...»

В полночь прибыли первые родственники!

Бабушка и Дедушка, прямиком из Старого света, очень веселые и приветливые. Просто сплошные приветствия!

После этого примерно раз в час кто-нибудь прибывал. Влетали через боковые окна, стучались в двери — то в парадную, то в заднюю. И это не считая шума из подвала, шорохов с чердака и свиста осеннего ветра в дымоходе... Мама наполнила жидкостью большую хрустальную чашу для пунша. Папа прошелся по всем комнатам и зажег еще больше свечей. Лора и Эллен приколотили к дверям еще несколько поддельных ведьминых цветков. А Тимоти стоял в эпицентре событий (с каменным лицом, вытянув по швам трясущиеся руки) и только успевал поворачивать голову — туда-сюда, туда-сюда! Все увидеть, ничего не пропустить! Каждый стук двери, каждый смешок в темноте, каждый бульк льющегося вина... А еще шум ветра, топот ног, бурные приветствия у дверей, дребезжание оконных стекол... И тени мелькают одна за другой, и кружатся, и исчезают, и опять...

Праздник начался!

Пять, десять, пятнадцать — уже целых тридцать человек! А будут еще шестьдесят!

— Так-так, а *это*, значит, Тимоти!

— А?

Чья-то холодная рука взяла его за руку. Над его лбом склонилось длинное бородатое лицо.

— Хороший, хороший парень, — сказал бородач.

— Тимоти, — сказала Мама. — Это твой Дядя Джейсон.

— Привет, Дядя Джейсон.

— Тимоти, племян, как-то ты не слишком весел и бодр.

— Да нет, нормально.

— Рад слышать это, мой мальчик. Выше нос. — Бородач ласково пихнул Тимоти в подбородок холодным кулаком.

— А вот *здесь* у нас... — сказала Мама, уводя Дядю Джейсона.

Дядя Джейсон оглянулся на Тимоти через плечо в плаще и дежурно подмигнул ему.

Тимоти остался стоять один.

Откуда-то издалека, через тысячу миль, из подсвеченной свечами темноты, донесся знакомый высокий голос — это была Эллен.

— А братишки-то мои до чего хитры, — говорила она, — угадайте, чем они сейчас занимаются, Тетя Моргинанна...

— Даже представления не имею.

— У них в городе свой морг.

— Да что вы!

Вздых.

— Морг? Вот это ход конем!

Пронзительный смех.

— Как удобно!

— Гениально!

Взрыв хохота.

Тимоти стоял не шелохнувшись.

Смех утих.

— И всех нас кормят, всю семью, — сказала Эллен.

— Да-да! Знаете ли вы, дорогая Тетя, как работают обычные санитары морга? — оживленно подхватила Лора.

Тетя Моргианна не знала.

— Так вот, — по-научному начала Лора, — они вводят в тела серебряные иглы с красными резиновыми трубками и выкачивают кровь. Чтобы потом ввести консервант. А после этого... После этого обычные санитары смывают кровь в канализацию. Но только не Леонард и Бион! Эти красавцы в четырехлитровых бидонах приносят ее домой. Для Мама с Папой и для всех нас. Ну, почти для всех. Тимоти же у нас...

В этом месте Тимоти вздрогнул.

— Не надо... — шепотом перебила Лору Мама.

— Тимоти у нас... — настойчиво повторила Лора.

Повисло напряженное молчание.

— Ну, и? Говори же. Что — Тимоти? — требовательно спросил Дядя Джейсон.

— Ох и язык у тебя, Лора, — вздохнула Мама.

Тимоти закрыл глаза.